

К. Ю. Лаппо-Данилевский

Петербургское антиковедение:

ШАГ К САМОПОЗНАНИЮ

DOI: 10.53953/08696365_2023_181_3_345

Словарь петербургских антиковедов XIX — начала XX века / Ред. кол.: А.К. Гаврилов (отв. ред.) и др.

СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana, 2021. Т. 1—3. — XXXVI, 1050 с. (сплошная пагинация). — 250 экз.

«Словарь петербургских антиковедов XIX — начала XX века»¹ — долгожданный итог проекта, работа над которым велась на протяжении многих лет под руководством Александра Константиновича Гаврилова. Справочник был задуман им в советскую эпоху, еще при жизни ряда петербургских ученых-классиков, заставших в юные годы дореволюционную систему гуманитарного образования и ставших, несмотря на выпавшие на их долю испытания, хранителями и продолжателями антиковедческих традиций дореволюционного Петербурга (А.И. Доватур, Я.М. Боровский, М.Е. Сергеенко). Все же на закате советской эры, когда была развернута работа над такими масштабными биографическими проектами, как «Словарь книжников и книжности Древней Руси», «Словарь писателей XVIII века», «Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь» (нацеленными, впрочем, главным образом на изучение биографий литераторов, а не ученых), полноценная работа над СПА-XIX вряд ли была возможна. В первую очередь потому, что осуществление столь масштабного предприятия, по моему убеждению, может быть успешным лишь в рамках деятельности научной институции, координирующей, направляющей и поддерживающей усилия обширного исследовательского коллектива. А как раз такой институции, заинтересованной в создании СПА-XIX, на исходе советской эпохи в России не было.

Важным событием в истории возрождения классического образования в Северной столице стало введение в 1989 г. преподавания древних языков в программу петербургской 610-й школы и преобразование ее в классическую гимназию. В 1994 г. А.К. Гавриловым здесь был основан Античный кабинет (Bibliotheca Classica Petropolitana); тогда же при нем начинает выходить журнал «Hyperboreus», а позднее и альманах «Древний мир и мы» (с 1997 г.). На страницах обоих изданий еще в 1990-е гг. публиковались материалы по истории антиковедения, как отечественного, так и зарубежного, но подлинным стартом многолетнего проекта по написанию СПА-XIX стало обоснование в 2004 г. в журнале «Hyperboreus» первого варианта словника, составленного А.К. Гавриловым, А.Л. Верлинским и О.В. Бударagiной². Работа по созданию СПА-XIX оказалась тесно связана с другими предприятиями Античного кабинета, в той или иной мере закладывавшими для него фундамент. Многообразная подготовка включала в себя и библиографические работы, одним из итогов которых стала аннотированная роспись антиковедческих материалов «Журнала Министерства народного

-
- 1 Далее для обозначения словаря используется принятая в нем самом аббревиатура СПА-XIX, при ссылках указываются том и страница.
  - 2 См.: Prosopographia classica Petropolitana // Hyperboreus. 2004. Vol. 10. P. 226—231.

просвещения»³. В ходе работы над СПА-ХІХ не обошлось и без следующего казуса: В.П. Смышляева, одна из наиболее энергичных и продуктивных сотрудниц колллектива, в определенный момент решила создать собственный справочник более узкого, сугубо филологического профиля, не ограничивая себя Петербургом: в 2015 г. вышла ее книга «Российские филологи-классики ХІХ века: “германовское” направление», включающая триста биографий, часть из которых упредила ее же статьи в медлившем появиться СПА-ХІХ⁴.

В чем принципиальное различие этих двух словарей, можно понять из четырехстраничного предисловия «От редакции», открывающего СПА-ХІХ. Уже в первых его строках утверждается, что книга содержит 250 биографий. Здесь же поясняется, что пристальному обследованию в СПА-ХІХ подвергнута вполне определенная эпоха антиковедения — со времени становления сети высших и средних учебных заведений, обучение в которых предполагало углубленное изучение древних языков и связанных с этим дисциплин, до политических событий 1917 г., следствием которых стали физическая гибель, вынужденный уход из профессии и эмиграция многих российских ученых и знатоков древних языков, а также разрушение созданной в Российской империи системы причастных к антиковедению научных и образовательных институтов (крайне малая часть из них была в новом виде восстановлена в начале 1930-х гг.). Немногие, например Н.П. Кондаков (1844—1925), Ф.Ф. Зелинский (1859—1944) и М.И. Ростовцев (1870—1952), стали благодаря исключительности их научных заслуг профессорами университетов в странах, их приютивших; сравнительно небольшому числу удалось продолжить работу в научных учреждениях русской эмиграции.

Критерии выстраивания словника в предисловии к первому тому сформулированы довольно общо: издание содержит биографии «петербургских ученых и деятелей культуры, интересы которых были всецело или частично связаны с античностью» (т. 1, с. VII). Однако чуть ниже делаются существенные оговорки об отличиях СПА-ХІХ от большинства биографических словарей по отдельным ученым специальностям: рассматриваемый труд посвящен не только исследователям древностей в университетах и научных учреждениях (филологам, историкам, правоведом, археологам, искусствоведам и проч.), он содержит биографии и выдающихся преподавателей гимназий (в первую очередь составителей учебных пособий), а также политиков и государственных деятелей, способствовавших становлению и упрочению в России классического образования. Авторы статей понимают антиковедение широко; это позволяет составителям включить в книгу биографии историков церкви, византинистов, археологов-искусствоведов, собирателей антиков и др. — при условии, что они занимались античными темами или вдохновлялись ими (именно в этом значении термин «антиковед» употребляется в данной рецензии и мной)⁵.

-
- 3 Первый вариант этого библиографического труда вышел в свет на немецком языке: *Russische klassische Altertumswissenschaft in der Zeitschrift des Ministeriums für Volksaufklärung, Žurnal Ministerstva Narodnogo Prosvěšćenija (ŽMNP): Annotiertes Verzeichnis der in den Jahren 1873—1917 erschienenen Beiträge / zusammengestellt von A. Ruban unter Mitwirkung von E. Basargina. St. Petersburg: Bibliotheca Classica Petropolitana; Nestor-Verlag, 2012. 248 S.* Русскоязычный вариант полнее: *Классическая древность в Журнале Министерства народного просвещения (ЖМНП): аннотированный указатель статей, 1834—1917 гг. / Вступ. ст. Е.Ю. Басаргиной; сост. А.И. Рубан. СПб.: Bibliotheca Classica Petropolitana; Реноме, 2015. 431 с.*
  - 4 *Смышляева В.П.* Российские филологи-классики ХІХ века: «германовское» направление. СПб.: Лема, 2015.
  - 5 Эта широта подхода отличает СПА-ХІХ от упомянутого выше биографического лексикона Смышляевой о филологах «германовской» школы и от трудов, стремящихся

Более избирательно представлены писатели, а именно те, кто переводил произведения древней словесности или в чьем творчестве античность сыграла некую «категорически важную роль»⁶.

Второе предисловие «Пояснения для читателя» отчасти дублирует, отчасти уточняет сказанное в первом (не совсем ясно, почему их нельзя было слить воедино, избежав повторений). Здесь подчеркивается, что справочник «ориентирован более всего на историю знания, поданную в форме научных биографий и предназначенную для читателя, внимательного как к античности, так и к новейшему времени» (т. 1, с. XI), а потому материал и отбирается, и подается под определенным углом зрения⁷. Возможные упреки в связи с диспропорциями объемов призвано снять следующее пояснение: «При этом стоит иметь в виду, что объем статей не мыслится как прямое соответствие значимости ученого, а зависит от ряда обстоятельств: насколько пристально автор той или иной статьи рассматривает труды и научный вклад изучаемого персонажа и в какой степени деятельность последнего рецептирована и осмыслена в научной традиции (люди, творчество которых вызывало больше разногласий, разбираются обычно подробнее)» (т. 1, с. XI). Это признание главного редактора (осмелюсь его переформулировать, детально проштудировав три тома СПА-ХІХ), означает, что он предпочел дать известную свободу авторам, отказавшись от жесткого диктата в соответствии с некой априорной «табелью объемов», а порой и просто способствуя помещению в справочник свежего материала, живых подробностей и ярких жизнеописаний. Так, строго говоря, вряд ли можно в полной мере признать петербургским антиковедом Ивана Клавдиевича (Жана Альфонса) Жобара (1792[?]/1793[?]/1794[?] — не ранее 1861), первого переводчика пушкинского «Выздоровления Лукулла» на французский язык, из-за череды скандалов высланного за пределы империи. Но, конечно же, без Жобара картина преподавания древних языков в России не была бы полна. Авантюрных перипетий хватает и в судьбе знаменитого открывателя Трои Г. Шлимана (1822—1890), в формировании научных интересов которого как раз Петербург сыграл важнейшую роль; статья о нем одна из наиболее пространных в СПА-ХІХ.

Во втором предисловии одним из важнейших аспектов при отборе персоналий называется «укорененность в культурной жизни Петербурга», степень которой, как подчеркивается, была различна. Самым ярким и единственным исключением, упомянутым в предисловии, признается харьковский профессор В.П. Бузескул (1858—1931), с 1922 г. академик. Биография Бузескула является последней, двести пятьдесят первой, она помещена в приложении к основному тексту и завершает второй том. Ее неотъемлемость от СПА-ХІХ аргументируется следующим образом: «...Бузескул настолько глубоко исследовал и выятно представил русскую науку об античности (наряду с историей занятий Византией и Древней Русью), что изучение

изложить историю той или антиковедческой дисциплины, как, например: *Фролов Э.Д.* Русская наука об античности: историографические очерки. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999 (2-е изд.: 2006).

- 6 Ряд аспектов составления словника рассмотрен в томе третьем, в послесловии с названием «Предыстория и история СПА-ХІХ». Тут подробнейшим образом рассматриваются и различные группы лемм, и аргументы в пользу включения или исключения той или иной персоналии в словник.
- 7 В тех случаях, когда уже имеются подробные биографические справочники для определенных категорий персоналий, авторы статей предпочитают не вдаваться в детали жизненного пути, отсылая к соответствующим лексиконам и делая упор на «антиковедческий вклад». Это в первую очередь касается литераторов, включенных в словарь «Русские писатели. 1800—1917». При этом нельзя не пожалеть, что в словнике СПА-ХІХ, к примеру, не нашлось место А.С. Пушкину, И.С. Тургеневу, Л.Н. Толстому.

петербургских ученых не может обходиться без его трудов» (т. 1, с. XI). Подобный довод не убеждает, и хочется спросить: неужели петербургские ученые могут обойтись без близкого знакомства, например, с наследием таких блестящих представителей дореволюционного антиковедения, как москвичи Ф.Е. Корш (1843—1915) и П.Г. Виноградов (1854—1925), киевлянин Ю.А. Кулаковский (1855—1919) или осевший в Казани Ф.Г. Мищенко (1848—1906)? Как кажется, имело бы больший смысл все-таки воздержаться от биографии Бузескула в СПА-ХІХ или же, избавив его от гордого одиночества, поместить в приложении десять, а то и двадцать биографий крупнейших представителей дореволюционного непетербургского антиковедения. Тем более что в основной массив словаря просочилось несколько лиц, которых сложно признать петербуржцами. Так, профессор И.И. Давыдов (1794—1863) был, на мой взгляд, всецело москвичом, хотя в конце жизни и прослужил тринадцать лет директором Главного педагогического института в Петербурге; но эти годы не были для него ни творческими, ни сформировавшими его личность. А.А. Фет (1820—1892) получил образование сначала в частном немецком пансионе Крюммера в Лифляндии, а затем в Московском университете, а в Петербург лишь временами наезжал. Напротив, статья о Козьме Петровиче Пруткове (1801—1861) в СПА-ХІХ, на мой взгляд, в высшей степени уместна, но при этом стоило хотя бы в одном из предисловий особо отметить, что, помимо биографий действительно существовавших личностей, справочник содержит жизнеописание мифического директора Пробирной палатки, порожденного фантазией А.К. Толстого и трех братьев Жемчужниковых. При этом нужно было, пожалуй, пояснить, почему в СПА-ХІХ статья о нем помещена на букву «К», иначе это не может не вызвать удивления.

Петербург присутствует в справочнике не только как место учебы и формирования личностей антиковедов, протекания их научной, педагогической, собирательской, литературной или государственной деятельности, но и как важнейший пункт биографии авторов статей СПА-ХІХ. Подавляющее их большинство принадлежит к современному антиковедческому цеху Петербурга⁸, что позволяет говорить об определенной общей шкале ценностей, представленной в трехтомном труде. В сущности, мы имеем дело с повествованием о собственных научных и духовных предтечах, раздробленном в двухстах пятидесяти биографических призмах и оттого обретающем неожиданные грани, о судьбах классического образования не только в Петербурге, но и в России в целом, о его репутационных поражениях и триумфах, о системе институтов, необходимых для полноценного функционирования трудоемких научных дисциплин, о месте антиковедения в современном гуманитарном знании. Многочисленные, тщательно подобранные портреты приближают персонажей СПА-ХІХ к читателю. В справочнике нередко ощущимо неравнодушное отношение авторов статей к своим героям, к их заслугам, достижениям, промахам и заблуждениям⁹. Не обходится вниманием ни кровное родство¹⁰, ни духовная и биографическая близость (тщательно фиксируется, кто у кого, когда и чему учился,

8 Лишь трое из 42 авторов СПА-ХІХ непетербуржцы: Бернд Ролинг — профессор Свободного университета Берлина; Л.А. Сыченкова — профессор Казанского университета, В.И. Кашеев — Саратовского.

9 Это порой приводит к излишне прочувствованным характеристикам, как, к примеру, в случае с Флорианом (Флораном) Антоновичем Жилем (1801—1865), многолетним начальником I отделения Эрмитажа, хранителем антиков и керченских древностей. В заключение статьи о нем читаем: «Имя его, безупречно служившего своему делу, Петербургу и России, незабвенно» (т. 1, с. 267).

10 В СПА-ХІХ широко представлены антиковедческие кланы: Гриммы, Георгиевские, Радловы, Толстые, Уваровы, как и другие, менее многочисленные.

кто на кого повлиял). Не замолчаны ни внутриакадемические распри, ни нападки на классическое образование.

Тот факт, что антиковедческие штудии пользовались в XIX столетии деятельной поддержкой монархии, вводит в справочник немалое число высокопоставленных лиц, прежде всего министров народного просвещения¹¹. Это Н.П. Боголепов (1846—1901), граф И.Д. Делянов (1818—1897), Г.Э. Зенгер (1853—1919), А.С. Норов (1795—1869), граф Д.А. Толстой (1823—1889), граф И.И. Толстой (1858—1916), граф С.С. Уваров (1786—1855). Вполне оправданно пристальное внимание к фигуре последнего из них; статья Е.Л. Ермолаевой о С.С. Уварове — сбалансированный очерк его биографии, литературных выступлений, политических взглядов, многолетних усилий по введению и распространению классического образования, руководства Академией наук и Министерством народного просвещения, а также его собирательства. Здесь мы найдем и сведения о многолетних творческих контактах Уварова с Ф.Б. Грефе (1780—1851), учеником знаменитого лейпцигского антиковеда Г. Германа (1772—1848). Уваров в течение многих лет занимался с Грефе греческим языком, усваивал от него важнейшие антиковедческие идеи — эти грани, пожалуй, впервые освещены автором в СПА-XIX на основании также и собственных изысканий.

Одна из наиболее содержательных и взвешенных — статья о еще одной ключевой фигуре, Д.А. Толстом (автор М.М. Позднев), мистически верившем в классическое образование как в панацею от всех общественных бед и сумевшем под конец своего пребывания в министерском кресле, по свидетельству одного из мемуаристов, «себя заставить ненавидеть всех без исключения». В статье анализируются побуждения и убеждения графа, насаждавший им в России классицизм сравнивается с классицизмом прусским, созданным В. фон Гумбольдтом и его последователями И.-В. Зюверном и И. Шульце, рассматривается отношение Толстого к различным изводам классицизма отечественного (прежде всего уваровского и леонтьевского), претензии к нему как консервативного лагеря, так и либерального, и пр. В то же время подчеркивается, что толстовская реформа мыслилась как вовлечение в систему классического образования лучших сил нации, а потому, как показывают цифры, число гимназистов из низших слоев населения при Толстом возросло (этому способствовали и стипендии, им учреждаемые, в том числе и из собственных средств). Сменивший Толстого И.Д. Делянов, как известно, в 1887 г. положил конец этой тенденции так называемым циркуляром о кухаркиных детях.

Все же, как заметит внимательный читатель СПА-XIX, хотя дети дворян и чиновников имели в дореволюционной России наилучший доступ к классическому образованию, но и другие сословия, и в первую очередь духовенство, имели возможность внести свой вклад в науку о древности. В общей сложности 45 антиковедов, включенных в СПА-XIX, происходили из семей православных священнослужителей. Конечно же, почти все они начинали свое образование в духовных семинариях, а продолжали в духовных академиях, где потом нередко преподавали. Среди них неизменно находились и те, кто рано или поздно переходил в светские учебные заведения. Это было возможным благодаря высокому уровню преподавания древних языков в духовных школах. С этим связан и весьма любопытный феномен «классиков поневоле» — так, в 1869 г. в Санкт-Петербургской академии было упразднено преподавание физики, в силу чего Н.И. Глориантов (1828—1898) и Е.И. Ловягин (1822—1909) легко переключились на преподавание древних языков. Несмотря на то что на протяжении всего XIX столетия государство большей

11 Высокообразованные представители высшей аристократии, которых немало в СПА-XIX, редко посвящали себя научной карьере; их, с одной стороны, находим среди высшего чиновничества, с другой — среди коллекционеров и меценатов.

частью препятствовало получению классического образования представителями низших сословий, перекрыть для них пути в науку полностью не удалось: из крестьян происходили Х.М. Лопарёв (1862—1918), П.Ф. Порфиоров (1870 (1869?) — 1903), А.А. Турчинович (1870 — зима 1941—1942); из «солдатских детей» — Е.М. Придик (1865—1935).

Заслуживает внимания этническая принадлежность представленных в СПА-ХІХ антиковедов; она чрезвычайно разнообразна. Огромным было количество лиц немецкого происхождения (77!)¹²: одни прибыли из Пруссии или Австрии после получения университетского образования, другие выросли в Прибалтике или в Петербурге¹³. Не забудем и о том, что в Дерпте, на территории Российской империи, до конца ХІХ в. существовал немецкоязычный университет, в который в 1802 г. по инициативе лифляндского дворянства была преобразована шведская *Academia Gustaviana*. Эти обстоятельства, с одной стороны, стали залогом длительного и плодотворного влияния немецкого антиковедения на русское. С другой стороны, это способствовало конкуренции в научном сообществе, вынуждая русских ученых соответствовать высоким стандартам немецкой науки. Из профессоров Петербургского университета немецкого происхождения, оказавших особенно сильное влияние на изучение древностей в России, следует в первую очередь назвать Х.Ф. Грефе (1780—1851) и И.А. Наука (1822—1892). Велики заслуги и их русских коллег по Петербургскому университету: М.С. Куторги (1809—1886), Н.М. Благовещенского (1821—1892), В.Г. Васильевского (1838—1899), Ф.Ф. Соколова (1841—1909), И.В. Помяловского (1845—1906). Строгие методы Н.П. Кондакова (1844—1925) способствовали возникновению в конце века кружка «фактопклонников», который составили А.Н. Щукарев (1861—1900), С.А. Жебелёв (1867—1941), Я.И. Смирнов (1869—1918); одно время к кружку был близок и М.И. Ростовцев.

История женского образования и его общие тенденции не могли не отразиться в СПА-ХІХ. Поэтесса Е.Б. Кульман (1808—1825) взялась за древнегреческий и латынь по движению сердца — для того, чтобы переводить древнюю поэзию на русский и немецкий языки. Высокообразованная меценатка графиня П.С. Уварова (1840—1924) была вовлечена в орбиту антиковедения благодаря деятельному участию в начинаниях своего мужа графа А.С. Уварова (1825—1884); после его смерти она стала председателем Московского археологического общества. В отличие от них М.А. Холодняк (1867 — не ранее 1928), О.А. Добиаш-Рождественская (1874—1939) и В.В. Петухова (1874—1942) принадлежали уже к поколению, которое благодаря основанию в 1878 г. Высших женских курсов в Петербурге могло

12 Количество представителей других народов по сравнению с немцами невелико: греки (6), поляки (6), евреи (3), латыши (2), французы (2), шведы (2), чехи (3), армяне (1), грузины (1), словенцы (1), швейцарцы немецкоязычные (1) и франкоязычные (1). Конечно, подобные подсчеты довольно приблизительно и не учитывают такого важнейшего аспекта, как самоидентификация. Потому я здесь воздержался от отнесения остающихся 144 антиковедов к одному из трех восточнославянских народов. Немалую сложность представляют и люди смешанного происхождения: так, В.П. Бузескул происходил из молдавской семьи, выехавшей в Россию в начале ХVІІІ в., при этом вся его жизнь была связана с Харьковом. Не забудем и о том, что лица еврейского происхождения для начала научной или преподавательской карьеры должны были в Российской империи принять крещение (в каждом конкретном случае поэтому встает вопрос, насколько вынужденно это происходило).

13 Не забудем и о существовании в Петербурге немецких гимназий; наиболее известные из них, Петришуле и Анненшуле, были твердынями классического образования вплоть до 1918 г. Ф.Ф. Зелинский окончил Анненшуле в 1876 г. Его гимназическим учителям Й.Й. Кёнигу и Ю. Кирхнеру в СПА-ХІХ посвящены прочувствованные очерки.

получить систематическое высшее образование и начать, подобно мужчинам, академическую карьеру.

Составители СПА-ХІХ стремятся остаться в пространно понимаемом ХІХ в. (то есть охватить события до 1917 г.), критерием для включения в словник избрано время, когда «развернулось творчество ученого». Дата рождения Ю.С. Ляпунова (1893—1920) самая поздняя из всех антиковедов, помещенных в СПА-ХІХ. Его нахождение в справочнике поясняется ранней смертью и несоприкосновением с советской действительностью. А вот С.Я. Лурье (1890—1964), О.О. Крюгер (1893—1967), А.И. Пиотровский (1898—1937), И.И. Бикерман (1897—1981), близкие к нему по возрасту, в словник не введены, ибо их научная деятельность протекала главным образом после 1917 г. (см. обоснование: т. 3, с. 1012). Также и филологу И.И. Толстому (младшему) (1880—1954) в СПА-ХІХ места не нашлось, теперь уже потому, что ему выпала исключительно важная роль в поддержании антиковедческой традиции в советское время. Тем самым сделан намек на желательность создания аналогичного справочника для последующей эпохи, однако никаких указаний, что над ним планируется начать работу, мне в СПА-ХІХ обнаружить не удалось. Все же советская эпоха дает о себе знать в справочнике неоднократно — драматическими жизненными перипетиями, репрессиями в отношении и родственного окружения антиковедов, и их самих, заключительными трагическими аккордами в судьбах В.Н. Бенешевича (1874—1938), А.И. Бриллиантова (1867 — 1933 или 1934), А.А. Брока (1867—1935), Б.В. Варнеке (1874—1944), Г.Г. Гельда (1875—1938), М.Н. Крашенинникова (1865—1932), Г.Ф. Церетели (1870—1938), Ф.И. Шмита (1877—1937) и некоторых других.

Третий том СПА-ХІХ содержит многочисленные тщательно подготовленные указатели и сопроводительные материалы. Из них в высшей степени полезны: «Даты из истории антиковедческих институтов в России» (охвачены события с 1664 по 1934 г.) и «Указатель учреждений» (где, в частности, приводятся данные, кто из персонажей СПА-ХІХ учился, преподавал или сотрудничал в них). Особого внимания заслуживает обширный очерк А.К. Гаврилова «История и предыстория СПА-ХІХ», в котором вкратце охарактеризованы важнейшие биографические словари и репертории антиковедов Западной Европы и Северной Америки и историография изучения древностей в России и СССР, а также более подробно рассматриваются темы, уже затронутые в предисловии к первому тому: критерии отбора персоналий, специфика русской рецепции античности и некоторые другие аспекты.

Попробую, наконец, суммировать сильные и несколько противоречивые впечатления от рассматриваемого во многом уникального справочника.

Поскольку именно Петербург, столица империи, оказался в центре исследования, в фокус зрения авторов словаря попали важнейшие процессы, последствия которых ощутимы в русской культуре до сегодняшнего дня. В связи с этим (да и в ряде других отношений) СПА-ХІХ дает больше, чем от него ожидаешь. Через призмы отдельных биографий обрисована жизнь целой корпорации, антиковедческого айсберга, на вершине которого находились политические силы, эту корпорацию в течение многих лет с большим или меньшим успехом выстраивавшие. Ее ядро — собственно ученое сообщество, биографии представителей которого заботливо освещены, а научное наследие подвергнуто экспертной оценке. Одна из главных особенностей избранного подхода — желание различить в биографиях релевантное для творчества, выявить неочевидные плодотворные импульсы, полученные героями СПА-ХІХ. Объемность созданной панорамы придает то, что не обойдены вниманием ни скромные труженики просвещения, создававшие фундамент академической надстройки, ни художники слова, способствовавшие более близкому знакомству с наследием древних литератур в России.

Как я уже отмечал выше, отсутствие жесткого «диктата» главного редактора в СПА-ХІХ сказывается в ряде диспропорций, в обилии вставных экскурсов, набранных петитом, в различимости отдельных авторских голосов в общем хоре, в живости изложения ряда эпизодов. Думается, именно поэтому книга читается с неослабевающим интересом, к ней хочется возвращаться, перечитывать ее, уяснять многообразие открывающихся взаимосвязей и своеобразие культурных механизмов, размышлять над предложенными оценками научных трудов и другого рода достижений. То, что понятие «антиковед» трактуется весьма широко, превращает СПА-ХІХ в пространство беседы о постижении в России различных граней греко-римской древности в ХІХ столетии, о ее значении для русской культуры. Этот разговор в значительной степени представляет собой сугубо корпоративный акт самоосознания и саморефлексии, предполагающий обращение к собственным предтечам, неотторжимое от раздумий о возвышении отечественного антиковедения и о его упадке после сокрушительных ударов. Именно поэтому предпринятая беседа неминуемо запечатлела размышления представителей антиковедческого цеха и о полноценном функционировании их области знания в современных условиях, и о месте антиковедения в современном обществе.